

О ДВУХ ДРЕВНЕЙШИХ ТОРГОВЫХ ДОГОВОРАХ НОВГОРОДА

В середине прошлого века в Рижском архиве были обнаружены древнерусские акты, среди которых находились два договора Новгорода, записанные на одном пергаменном листе.¹ Первым значителен договор, заключенный князем Александром, его сыном Дмитрием, посадником Михаилом, тысяцким Жирославом и всеми новгородцами с немецким, любекским и готским послами. Вслед за ним тем же почерком приписан договор, заключенный ранее князем Ярославом Владимировичем, посадником Мирошкой, тысяцким Яковом, всеми новгородцами с послом Арбудом, немецкими сынами и готами.

Хотя оба документа хорошо известны в исторической литературе и широко используются разными исследователями, причины заключения этих грамот и особенно их датировка (документы не содержат даты в тексте) до сих пор остаются спорными. Хронологическая характеристика договоров основывается на сопоставлении дат княжения и посадничества лиц, от имени которых они были заключены.

Обратимся к более древнему документу. Так как в нем упомянуты князь Ярослав Владимирович и посадник Мирошка, совместное правление которых ограничивается 1189—1199 гг., датировка этого акта колеблется в промежутке между названными датами. Со времени первой публикации договора в 1857 г. мнения о конкретной дате его заключения как первых издателей, так и многочисленных последующих исследователей разошлись.

Л. К. Гётц в своем фундаментальном труде о русско-немецких договорах средневековья писал, что рассматриваемый документ был заключен в 1189 г., сразу после конфликта, происшедшего между русскими и немцами в 1188 г.² К. Э. Напьерский, М. Ф. Владимирский-Буданов, С. В. Бахрушин, в разные годы публиковавшие этот памятник, относили его заключение к 1195 г.³ Той же даты придерживался И. Д. Беляев.⁴ Исследователи в области торговли М. Н. Березков и А. Винклер считали, что договор был заключен только в 1199 г.⁵ Под этим же годом данный документ опубликован в сборнике ган-

¹ Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Рнгою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках. Найдены в Рижском архиве К. Э. Напьерским и изданы Археографическою комиссиею (с 8 литографическими снимками). СПб., 1857.

² *Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters.* Hamburg, 1916. S. 63—64.

³ Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1868; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. 6-е изд. СПб.; Киев, 1908. Вып. 1. С. 93; Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 63.

⁴ *Беляев И. Д.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1866. С. 71.

⁵ *Березков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879. С. 69; *Winkler A.* Die deutsche Hansa in Russland. Berlin, 1886. S. 79.

зейских грамот.⁶ И. И. Срезневский, Э. Боннель и В. Бук утверждали, что договор был заключен перед изгнанием Ярослава из Новгорода в 1199 г., но ратифицирован лишь в 1201 г. Они основывались на сообщении Новгородской первой летописи, что варягам именно в этот год был дан мир.⁷ Современный западногерманский историк В. Реннкамп ограничивает заключение договора 1189—1193 гг., но также считает, что ратифицирован он был только в 1201 г.⁸ Последнее издание данного документа, предпринятое в 1949 г., оставляет датировку грамоты в широких хронологических рамках последнего десятилетия XII в., т. е. 1189—1199 гг.⁹

Между тем эта дата может быть уточнена. Несомненно, правы исследователи, исключавшие возможность заключения договора после 1195 г. В этот год посадник Мирошка Незденич, участвовавший в заключении договорной грамоты, отправился в Суздаль защищать новгородские свободы перед князем Всеволодом Большое Гнездо только в 1198 г. был им отпущен обратно.¹⁰ Вскоре после его возвращения новгородцы поссорились с князем Ярославом Владимировичем и летом 1199 г. прогнали его из Новгорода. Предложения некоторых историков датировать рассматриваемый документ 1201 г. на основании летописного рассказа о мире варягам в этот год нельзя считать обоснованными, поскольку они противоречат времени княжения Ярослава. Кроме того, как отмечал еще Гётц, в 1201 г. варяги прибыли в Новгород «горою», а не обычным морским путем, в то время как в договоре упоминается только морской путь. Следовательно, считал Гётц, до конца XII в. существовал лишь морской путь, которым пользовались купцы, и впервые в 1201 г. упоминается сухопутная дорога в Новгород.

Для уточнения датировки договора важно упоминание в нем тысяцкого Якова. Первым выборным новгородским тысяцким был Миропег, или, иначе, Милонег, которого новгородская летопись знает как строителя церкви св. Вознесения и в известии об ее освящении в 1191 г. называет Миронегга тысяцким.¹¹ Таким образом, Яков не мог занимать должности тысяцкого ранее 1191 г.,¹² поэтому следует ограничить дату заключения рассматриваемого документа 1191—1195 гг.

Однако, принимая во внимание историю развития торговых связей Новгорода с его западными партнерами, хронологические рамки договора можно еще более сузить. Начало торговым отношениям

⁶ *Hansisches Urkundenbuch* / hrsg. vom Verein für Hansische Geschichte. Halle (Saale), 1876. Bd 1. № 50.

⁷ *Срезневский И. И.* // ИОРЯС Академии наук. СПб., 1857. Т. 7. С. 165; *Bonnel E.* Russisch-livländische Chronographie von der Mitte des IX. Jahrhundert bis zum Jahre 1410. SPb., 1862. Commentar. S. 48; *Buck W.* Der deutsche Kaufmann in Nowgorod bis zur Mitte des XIV. Jahrhunderts. Berlin, 1891. S. 21.

⁸ *Rennkamp W.* Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts: Nowgorod und Dünagebiet. Bochum, 1977. S. 61—66.

⁹ ГВНП. М.; Л., 1949. № 28. С. 55, легенда.

¹⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 42—43, 236—237.

¹¹ НПЛ. С. 39, 472.

¹² Заманчиво предположение Л. К. Гётца об идентификации тысяцкого Якова из указанного договора с боярином Яковом Прокшиничем, участвовавшим в 1193 г. в походе на Югру и убитым там (НПЛ. С. 233).

Новгорода с его западными соседями было положено его торговлей с островом Готланд, который в X—XII вв. был центром торговли в балтийском регионе. В начале XII в. готские купцы основали в Новгороде первую иноземную факторию — Готский двор с церковью св. Олафа. Попутно отмечу, что договор, о котором идет речь, не был первым торговым соглашением между Новгородом и его западными партнерами, а являлся подтверждением «старого мира», который, возможно, был заключен с островом Готланд в период его господства на Балтийском море еще в первой половине XII в. Во второй половине XII столетия на Готланде появились немецкие купцы, переселившиеся сюда из Любека и других немецких городов, расположенных на Балтийском побережье. Постепенно немецкая община вытеснила готландцев и заняла ведущее положение в балтийской торговле. Несомненно, новгородцы, совершавшие в XII в. регулярные поездки на Готланд, вступили в непосредственные контакты с немецкими купцами, поселившимися на острове. В свою очередь немецкие купцы стали посещать Новгород и по примеру готландцев решили устроить там свой гостиный двор. Исследователи называют разные даты устройства в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра: 1184, 1185, 1189 г. Однако проведенный анализ легенды о посаднике Добрыне, где рассказывается о строительстве в Новгороде католической божницы, и сообщения Новгородской третьей летописи об устройстве немецкой ропаты в 1192 г. дают основания считать эту дату достоверной, что согласуется со всем развитием новгородско-немецких торговых отношений.¹³

В связи с этим представляет интерес известие Новгородской первой летописи о событиях 1188 г.: «В то же лето рубоша новгородьце варязи на Гѣтѣхъ немьце въ Хоружьку и въ Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаша варягомъ, нъ пустиша я без мира».¹⁴ Этот летописный рассказ не раз обсуждался по разным поводам в исторической литературе, как русской, так и зарубежной. Были попытки увязать событие 1188 г. с так называемым Сигтунским походом 1187 г.,¹⁵ но большинство исследователей видели логичную связь между описанным в летописи конфликтом и последующим заключением договора от имени князя Ярослава и посадника Мирошки. Между тем суть конфликта остается не вполне ясной до сих пор. Почти все, без исключения, исследователи трактуют летописный рассказ как заключение новгородцев в тюрьму («рубоша» — посадили в поруб) варягами на Готланде и немцами в Хоружке и Новоторжье, предполагая под последними названиями самые различные топонимы. Подробная свodka мнений советских и зарубежных, а также дореволюционных исследователей по этому поводу приведена И. П. Шаскольским, который вслед за другими приходит к наиболее вероятному выводу, что упомянутые

¹³ Подробнее см.: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 15—49.

¹⁴ НПЛ. С. 39.

¹⁵ Шаскольский И. П. Борьба Русь против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 101—105.

в летописи Хоружек и Новоторжец — это города Торсхэлла и Нючепинг на восточном побережье Швеции.¹⁶ Аналогичное мнение высказано датским историком Дж. Липдом в обзорной статье о конфликте 1188 г. и месте Хоружка и Новоторжца.¹⁷

Вместе с тем существует и другое мнение относительно местонахождения упомянутых пунктов. Л. К. Гётц, много занимавшийся проблемами русско-немецких торговых взаимоотношений, считал, что речь в летописи идет о столкновении немцев с новгородцами в каких-то городах или иных пунктах древней Руси, где немцы и новгородцы столкнулись как конкуренты и где пострадавшей стороной были немцы. Как видим, комментарии исследователей летописного сообщения 1188 г. оказались диаметрально противоположными. Между тем населенных пунктов с указанными названиями в древней Руси не обнаружено и не может быть обнаружено, поскольку форма «Новоторжец» — по разъяснению лингвистов — совершенно исключена по нормам русского языка для названия города и может обозначать только жителя города Новый Торг (Торжок).

Что касается перевода с одного языка на другой географических названий, в том числе городов, то хотя это возможно, однако в источниках практически не зафиксировано. Подлинные названия городов не переводились, а давались в транскрипции, иногда до неузнаваемости изменялись. Например, Новгород в многочисленных средневековых нижнемецких документах ни разу не назван Neustadt, а всегда Nogarden, Nowgarden, Nauwerden и т. д. В связи с этим представляются сомнительными и малоубедительными попытки многих авторов перевести летописные Хоружек и Новоторжец, как города Торсхэлла и Нючепинг.

Несомненно, сообщение 1188 г. относится к числу трудных для комментария мест и требует при переводе на современный язык корректного отношения к нормам древнерусского языка. В этой связи вызывают исключительный интерес лингвистические изыскания А. А. Зализняка и прежде всего проведенный им анализ глагола «рубити», в летописи «рубоша», который является одной из форм глагола «рути», т. е. подвергать конфискации.¹⁸ Не вдаваясь в детали лингвистических исследований, сообщу перевод летописного рассказа под 1188 г., точнее, его первой (наиболее трудной для комментария) части, предложенный А. А. Зализняком. Напомню летописный текст: «В то же лето рубоша новгородцы варязи на Гѣтѣхъ немцы въ Хоружьку и Новотържьце». Перевод звучит так: «В том же году варяги, т. е. на Готланде немцы, конфисковали товар у новгородцев за вино Хоружка и новоторжцев».¹⁹ Прямые аналогии этой

¹⁶ Там же. С. 102, 103.

¹⁷ Lind J. Varaeger, nemcer og novgoroder år 1188. Hvor var Chorżek og Novotorżek? // Historisk Tidsskrift for Finland. 1981. № 2. S. 145—177.

¹⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.): Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. С. 168—174.

¹⁹ Ср. традиционный перевод: «лорубили новгородцев варяги на Готланде, пемц л в Хоружке и Новоторжеце». См., например: Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 103, примеч. 105.

конструкции содержатся в берестяной грамоте № 246 (XI в.), в которой автор письма Жировит угрожает адресату Стояну, что он конфискует в счет долга Стояна товар другого новгородца («хочу ти вырети в тя лучшего новгороджанина»). Аналогичная запись действия против должника зафиксирована в полоцкой грамоте XV в.²⁰ Замечу, что санкции наказания ареста на товары купцов, принадлежавших к одной национальности или общине с провинившимися купцами, были широко распространены в средневековье, о чем свидетельствуют многочисленные документы.

Примечательно, что летопись расшифровывает, о каких варягах идет речь. Поскольку варягами назывались жители северных стран, в том числе и Готланда, а конфликт у новгородцев произошел с немецкой общиной, обосновавшейся на Готланде во второй половине XII в., летописец счит своим долгом объяснить, что в данном случае под варягами подразумеваются немцы, живущие на Готланде: «варяги, на Готах немцы».

Таким образом, из летописного рассказа следует, что новгородский купец Хоруг и повоторжские купцы (жители Нового Торга, Торжка, входящего в состав Новгородской земли) каким-то образом провинились перед немецкими купцами на Готланде, которые ввиду их отсутствия конфисковали товар у других новгородских купцов, прибывших с торговыми целями на Готланд. Несправедливая конфискация новгородских товаров на Готланде вызвала ответные меры новгородцев: «. . . а на весну не пустиша из Новагорода своих ни единого мужа за море, ни сла вда варягом, но пустиша я без мира».

Что касается посла, о котором здесь говорится, то в данном случае под послом («слом») подразумевается человек, обязанный сопровождать иностранных купцов в пределах Новгородской земли, как при их приезде, так и при отъезде. Об этом недвусмысленно говорят статьи последующих торговых договоров: «А зимнии гость, оже не поиметь нашего посла, ни новгородцкыхъ купецъ из Новагорода или съ Гъцького берега, а что ся учинить, ис Котлингъ до Новагорода или из Новагорода до Котлингъ немецкъму гости, оже бес посла поидуть, то Новугороду тяжя не надобе, въ старьи миръ» (договор 1259—1260 гг.); «И брать им новгородского посла и новгородских купцов по старому миру. А не возьмут ои новгородского посла, и учинится что между Новгородом и Котлингом, князю и повгородцам до того дела нет» (договор 1269 г.).²¹

События 1188—1189 гг. прервали торговые посездки между Новгородом и Готландом, однако заинтересованность сторон в продолжении торговли потребовала скорого урегулирования данного конфликта, что выразилось в заключении торгового договора от имени князя Ярослава, посадника Мирошки, тысяцкого Якова и всех новгородцев с послом Арбудом, со всеми немецкими сынами и с готами. Достойно внимания, что на первом месте после имени посла названы «немецкие сыны» как главные действующие лица происшедшего розмирья.

²⁰ Янин В. Л., *Зализняк А. А.* Новгородские грамоты. . . С. 170—172.

²¹ ГВНП. № 29. С. 57; № 31. С. 58.

Очевидно, заключение договора после конфликта 1188 г. послужило основой для устройства в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра в 1192 г. Таким образом, 1191—1192 гг. являются наиболее вероятными годами заключения первого дошедшего до нас торгового договора Новгорода с западными партнерами. Он содержит статьи, непосредственно регулирующие происшедшее розмирье. Во-первых, было постановлено, что любое спорное дело, возникающее в торговых делах немцев в Новгороде или новгородцев «в немцах», не должно быть поводом для конфискации товаров и для прекращения торговли («рубеза не творити, на другое лето жаловати»). Другая статья прямо предписывала предъявлять иск только виновным купцам, а не наказывать всех немецких или новгородских купцов в случае нарушения одним из них правил торговли: «немчина не сажати в погреб в Новегороде, ни новгородца в немцах, но емати свое у виновата». Эти правила впоследствии неоднократно повторялись в торговых договорах. Однако на практике они соблюдались редко, о чем свидетельствует вся история новгородско-ганзейских торговых отношений.

В других статьях данного договора, касающихся торговли, немцам и новгородцам гарантировался безопасный путь, обуславливалось разрешение спорных дел, происходящих вне Новгорода, назначался штраф в 10 гривен серебра за убийство купцов. Перечисленные статьи договора 1191—1192 гг. обеспечивали разрешение возможных будущих конфликтов и заложили основные принципы торговых взаимоотношений Новгорода с западными партнерами. В частности, он послужил основой для урегулирования конфликта 1259 г., что нашло отражение в заключении следующего торгового договора от имени князя Александра Невского, его сына Дмитрия, посадника Михаила, тысяцкого Жирослава и всех новгородцев с немецким послом Шифордом, любекским послом Тидриком и готским послом Ольстеном.

Как и предыдущий документ, этот договор не содержит даты и датируется поэтому разными авторами в рамках 1259—1263 гг.²² Иногда его заключение связывают с победоносным походом новгородцев во главе с князем Дмитрием на Юрьев в 1262 г. В частности, в последнем издании документа в 1949 г. указанный поход послужил основанием для датировки договора 1262—1263 гг.²³

Однако, как заметил Гётц, рассматриваемый договор не может иметь отношения к названному походу, так как вероятно, чтобы новгородцы после столь удачного похода брали на себя обязательства удовлетворить жалобы немецких купцов и устранить затруднения в новгородско-немецкой торговле, зафиксированные в договорной грамоте. Кроме того, трудно установить связь между военным походом на Юрьев и торговыми делами Новгорода с Готландом и

²² См.: Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge... S. 88.

²³ Срезневский И. И. Исторические чтения о языке и словесности // ИОРЯС Академии наук. СПб., 1857. Т. 6. С. 170; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 9; ГВНИ. № 29. С. 56, легенда.

немецкими городами. Напомню, что в заключении договора принимали участие любекский и готский послы. Несомненно, что данный договор относится к числу торговых и был заключен после очередного конфликта между торговыми партнерами. Русские источники не содержат по этому поводу никаких сведений, в то время как в немецких сохранилось письмо Ревеля, отправленное в конце мая 1259 г. в Любек в ответ на жалобу последнего о несправедливостях и насилиях, чинимых немецким купцам в Новгороде.²⁴ Вероятно, описанные в письме Любека несправедливости и насилия и послужили причиной прекращения торгового сообщения между новгородскими и немецкими купцами, возобновлению которого и был посвящен разбираемый здесь договор.

Учитывая события, предшествовавшие договору (недовольство Любека условиями торговли и его переписка с Ревелем), следует признать верной дату его заключения в 1259—1260 гг., когда и Александр Невский, и его сын Дмитрий находились в Новгороде.

Вместе с тем давно замечено явное несоответствие между именами князей Александра и Дмитрия, заключивших договор, и скрепившей его печатью Ярослава Ярославича, новгородского князя с 1265 г. Напомню, что пергаменный лист, на котором были записаны рассматриваемые здесь документы, был снабжен двумя комплектами печатей: к его верхнему краю были подвешены позолоченные печати архиепископа Далмата, князя Ярослава и всего Новгорода, к нижнему краю подвешены свинцовые печати, оттиснутые теми же матрицами. В. Л. Янин объяснил столь «странное» оформление документа этого акта его поздней ратификацией, состоявшейся уже после смерти Александра Невского, с вокняжением нового князя Ярослава в 1265 г. Именно поэтому, считает исследователь, договор был снабжен двумя комплектами печатей, призванных утвердить заключенный прежним князем договорный акт.²⁵

Это мнение было уточнено И. Э. Клейнбергом, отметившим, что поскольку печати были подвешены к пергаменному листу с двумя договорами, то позолоченные печати утверждали договор Александра, а свинцовые — «старый мир», т. е. договор конца XII в., приписанный вслед за договором Александра.²⁶

Дополню эти логичные построения еще одним наблюдением. Сохранившиеся в оригинале договоры Новгорода с Любеком и Готским берегом, заключенные от имени князя, посадника, тысяцкого и всего Новгорода, всегда содержат печати лишь трех лиц: князя, посадника, тысяцкого.²⁷ Печать архиепископа привешивалась к акту только в том случае, если он имел отношение к нему. Например, к посланному в начале XIV в. рижанам благословению владыки, посадника, тысяцкого и всего Новгорода были привешены печати

²⁴ Hansisches Urkundenbuch. Bd 1. № 527.

²⁵ Янин В. Л. Актовые печати. . . С. 10—11.

²⁶ Клейнберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // ВИД. Л., 1976. 7. С. 118—126.

²⁷ См.: ГВНП. № 34, 44.

архиепископа, посадника и тысяцкого.²⁸ В остальных случаях печать архиепископа не подвешивалась к торговым договорам. Между тем, как уже отмечалось, к рассматриваемому договору были подвешены печати архиепископа Далмата, князя Ярослава и всего Новгорода, т. е. совершенно иной набор булл, чем было принято при скреплении торговых договоров.

Все это является дополнительным аргументом в пользу поздней ратификации договора князя Александра. К 1265 г., когда новгородский стол занял Ярослав Ярославич, посадника Михаила и тысяцкого Жирослава, принимавших участие в заключении договора, сменили другие лица, печати которых не могли быть подвешены к данному акту. Поэтому при ратификации договор был скреплен прежде всего печатью архиепископа Далмата как посетителя высшего духовного авторитета и бывшего владыкой в момент заключения договора (1251—1273 гг.). Совершенно исключительна в сфрагистическом материале Новгорода XIII—XIV вв. печать всего Новгорода, которая в данном случае заменила именные печати посадника и тысяцкого.

Само оформление договорной грамоты Александра и Дмитрия и ее заключительные строки со всей очевидностью свидетельствуют об ее утверждении спустя несколько лет после заключения, не ранее 1265 г. Тогда она была заново переписана на пергаменном листе и заключалась словами: «А се старая наша правда и грамота, на чем целовали отци ваши и наши крест. . . А иное грамоты у нас нетуть, не потаили есмы, не ведаем. На том крест целуем». В подтверждение слов, что другой грамоты у них нет, новгородцы приписали вслед за недавно заключенным договором старый мир конца XII в., который пришлось дописывать на оборотной стороне листа, чтобы уместить весь текст.

Таким образом, договорная грамота, составленная и принятая зимой 1259/60 г. Александром Невским и его сыном Дмитрием, была ратифицирована только при князе Ярославе Ярославиче. Кроме того, пергаменный лист с двумя рассмотренными договорами по существу является полным сводом торговых договоров Новгорода с конца XII в. до вокняжения Ярослава Ярославича в 1265 г.

²⁸ Там же. № 36.